

RU

Лирическая поэма в творчестве татарского поэта Харраса Аюпова

Надыршина Л. Р.

Аннотация. Цель исследования - выявить жанровые и идейно-проблемные особенности лирических поэм татарского поэта Харраса Аюпова (1946-2008). Научная новизна статьи заключается в том, что в ней впервые в татарском литературоведении поэмы Харраса Аюпова анализируются с точки зрения жанровой специфики; также произведения поэта рассмотрены в литературном контексте 1960-1980-х гг., что позволяет выделить и некоторые тенденции развития татарской поэзии в целом. В результате доказано, что в процессе активного приобщения татарской литературы к национальным традициям в поэзии актуализируются ключевые коды этнического сознания, такие как родной дом, родная земля, Родина. Структурированные вокруг этих понятий поэмы «Авыл жаны» («Душа деревни», 1988) и «Көй эзләү» («Поиск мелодии», 1988) Харраса Аюпова отличаются элегичностью тона, экзистенциальным окрасом. Произведения, читаемые как части единого целого, основаны на субъективной художественной реальности и построены в форме исповедального монолога лирического героя, встревоженного судьбой своей нации.

EN

Lyrical Poem in the Creative Work of the Tatar Poet Kharras Ayupov

Nadyrshina L. R.

Abstract. The purpose of the research is to identify the genre and conceptual-topical features of lyrical poems by the Tatar poet Kharras Ayupov (1946-2008). The paper is novel in that it is the first in Tatar literary studies to analyse Kharras Ayupov's poems from the viewpoint of genre specificity; in addition, the poet's works are considered in the literary context of the 1960s-1980s, which made it possible to identify certain trends in the development of Tatar poetry as a whole. As a result, it has been proved that in the process of active exposure of Tatar literature to national traditions, the key codes of ethnic consciousness, such as home, homeland, Motherland, are actualised in poetry. Kharras Ayupov's poems «Авыл жаны» ("The Soul of the Village", 1988) and «Көй эзләү» ("The Search for Melody", 1988), structured around the specified concepts, are notable for their elegiac tone, existential flavor. The works, read as parts of a whole, are based on a subjective artistic reality and structured as a confessional monologue of a persona, who is worried about the fate of his nation.

Введение

До 1960-х гг. татарская литература, как и литература советского пространства в целом, существовала под влиянием «общих тенденций, которые проявлялись в утверждении монистической концепции литературы, опирающейся на принципы классовости и партийности искусства» (Загидуллина, 2013, с. 146). Социально-политические перемены, начавшиеся в 60-е гг. прошлого столетия, дают импульс для преодоления «застоя», отразившегося во всех литературах многонационального государства. «Хрущевская "оттепель" приоткрывает клапан, питающий искусство нетрадиционными для соцреализма идеями, сюжетами, образными решениями» (Васильев, 2000, с. 180). В татарской поэзии этих лет предпринимаются «попытки трансформации национальной литературы путем масштабной стилизации под народные песни, широкого использования системы образов, приемов и средств, особенностей стихосложения тюрко-татарского фольклора; обращения к приему "эзопова языка", создания подтекста, дополнительных смыслов» (Загидуллина, 2020, с. 49). Оставшаяся «приоритетной» на протяжении многих лет эпическая поэма с характерной для нее исторической масштабностью начинает сдавать позиции, идет процесс лиризации поэмы. Активность в процессе обновления жанра поэмы проявляют такие татарские поэты, как Ильдар Юзеев, Мударрис Агьямов, Зульфат, Равиль Файзуллин и др., в позднем творчестве Харраса Аюпова находит свое развитие лирическая поэма.

Актуальность нашего исследования обусловлена существующими в настоящий момент лакунами в системном изучении вопросов развития жанровых разновидностей поэмы в татарской литературе второй половины XX века. В частности, в научно-исследовательской литературе не получили всестороннего освещения особенности формирования и развития лирической поэмы в творчестве татарских поэтов этого периода. Особый интерес представляют поэмы Харраса Аюпова, в которых обнаруживаются ключевые черты, характеризующие эту жанровую разновидность и которые до сих пор не становились объектом монографического исследования. Изучение жанровых и идейно-проблемных особенностей произведений поэта может послужить основой для дальнейшего исследования татарской поэмы как части непрерывного литературного процесса.

В работе поставлены следующие задачи:

- выявить типологические для лирической поэмы черты в произведениях Х. Аюпова;
- определить идейно-проблемные особенности выбранных поэм.

Основными методами исследования являются культурно-исторический и герменевтический методы, метод целостного анализа художественного произведения.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, в которых проясняются теоретические основы лирической поэмы (Спесивцева, 2009), а также труды татарских ученых, которые обратились к творчеству Х. Аюпова в контексте исследования тех или иных проблем татарской литературы. Например, Т. Галиуллин (2011) в своих обзорных статьях по татарской поэзии второй половины XX века выделяет и идейно-тематические особенности творчества Х. Аюпова, в труде Д. Загидуллиной (2020) отмечаются некоторые особенности творчества поэта: элегичность, возврат к национальным истокам – к народной культуре, нравственно-религиозным ценностям, образной системе татарского фольклора. Также представляет интерес монографическая статья по творчеству Х. Аюпова, написанная для «Истории татарской литературы» Р. Харрасовой (2019).

Практическая значимость исследования заключается в том, что используемые в работе принципы анализа могут быть применены при монографическом изучении творчества поэта, а также при исследовании основных тенденций развития татарской поэзии в 1960-1980-е гг., ее результаты могут быть использованы при разработке лекционных курсов по теории и истории татарской литературы, при написании соответствующих глав учебников, учебных пособий и монографий.

Основная часть

Начиная с 1960-х гг. татарская поэма эволюционирует по линиям лиризации и философизации, обусловленным, в частности, возвращением литературы к национальным истокам, которое стало причиной формирования иных, преломляющих соцреалистические каноны произведений. Авторы подобных произведений, как утверждает Ф. Мусин, изображают жизнь человека «в тесной связи с родной землей, народом, его обычаями, духовно-культурным наследием» (Цит. по: Закирзянов, 2019, с. 26). Подобная тенденция проникает даже в эпические поэмы, в которых масштабность событий и историзм сопрягаются с думами о судьбе татарского народа и также на фоне «популярных» для этого времени тем – индустриализации и урбанизации – поднимаются национальные и общечеловеческие проблемы (поэмы «Үрләр аша» («Через возвышения», 1964-1968), «Дуга» (1968) С. Хакима, «Чигүле куляулык» («Вышитый платок», 1985-1986) А. Маликова и др.). Параллельно с усилением лирического начала в эпико-повествовательных поэмах развивается собственно лирическая поэма, которая до этого на фоне расцвета производственной темы оставалась на периферии литературного процесса.

Как отмечает татарский критик Н. Юзиев (1966, с. 170), лиризация поэмы в татарской литературе началась с создания «маленьких поэм», отличающихся художественной образностью и умением демонстрировать актуальные проблемы и философские умозаключения в небольшом по объему тексте, среди таких произведений можно назвать поэмы «Сары капкалы йорт» («Дом с желтыми воротами», 1958) С. Хакима, «Гайшә апа» («Гайша апа», 1959) М. Шабаева, «Ефәк яулыгым» («Мой шелковый платок», 1960) Э. Муэминовой и др.

Следует отметить, что потеря доминирующей позиции эпической поэмой становится общей для всех литератур советского пространства тенденцией, и актуализация лирической поэмы воспринималась советскими литературными деятелями не столь однозначно, о чем свидетельствуют, например, дискуссии на страницах различных литературных изданий. Скажем, в 1961 году азербайджанский поэт Ибрагим Кебирли (1961) выступает с резкой критикой поэм, оформленных в виде лирического монолога. Татарские критики также «требуют» от поэтов новых образцов лирического эпоса, а творческие искания молодых, устремленных к художественным экспериментам поэтов (А. Баянов, Роб. Ахметзянов и др.) отрицаются (см.: Юзиев, 1966, с. 38-42).

Одним из «катализаторов» процесса лиризации татарской поэмы становится актуализация темы родной земли, малой родины, лейтмотивом в таких произведениях является «мысль о том, что родина – это красота, свет, доброта и тепло» (Загидуллина, 2020, с. 53), в мотививной системе поэмы преобладают мотивы «поиска приюта для души в родной земле, возвеличения Родины» (Галиуллин, 2011, с. 212). Истоки этого направления национальной поэзии обнаруживаются в творчестве С. Хакима, который наряду с созданием многочисленных лирических произведений, посвященных родной земле, включает образы татарской деревни, малой родины и в структуру своих поэм еще в самом начале своего творчества (речь идет о поэме «Пар ат» («Пара гнедых», 1938-1939), где «описания родного края и связанные с ними мотивы возвращения, тоски; и наполненные душевной теплотой разговоры с матерью; и воспоминания, отсылающие читателя к беззаботному детству

автора... удивительным образом переплетаются с судьбой Тукая» (Надыршина, 2021, с. 2948)), позднее, в 1960-е гг., данные образы актуализируются в его поэмах «Баһавиның моңы» («Печальная песня Багави», 1963), «Васыятлар» («Завещания», 1968) и др.

В целом вряд ли среди татарских поэтов, активно творивших в эту эпоху, найдется тот, кто обошел данную тему в своем творчестве. Особое место среди них занимает Х. Аюпов, которого по праву можно назвать певцом татарской деревни: именно в ней поэт находит источник своего вдохновения, считает ее хранилищем национальных и общечеловеческих ценностей. Если в 1960-1970-е гг. он развивает эту тему в рамках «тихой» лирики, то в 1988 году Х. Аюпов создает поэму «Авыл жаны», где образ татарской деревни воссоздается сквозь призму экзистенциального восприятия. Отметим, что подобная тенденция обнаруживается и в творчестве других поэтов изучаемого периода: С. Хакима («Тегермән стенасындагы язугар» («Надписи на стенах мельницы», 1961), «Бөтенләем белән жирнеке мин» («Я целиком принадлежу земле», 1962) и др.), Р. Мингалима («Туган як кырларында» («На полях родного края», 1971)), К. Сибгатуллина («Бәхет туган якта» («Счастье находится в родном краю», 1966)) и др.

Лишенная повествовательного начала поэма «Авыл жаны» представляет собой эмоциональный монолог лирического героя, задающего вопросом о причине угасания татарских деревень и находящего эту причину в процессе урбанизации: «Жаны шәһәрләрдә тилмергәндә, / Авылларның нинди яме калсын?!» (Эюп, 2001, с. 71). / «Когда душа в городах тоскует, / Разве может сохраниться красота деревень?!» (здесь и далее – подстрочный перевод автора статьи. – Л. Н.).

Лирическое действие в поэме развивается импульсивно: герой то предается теплым воспоминаниям об идиллическом прошлом, то впадает в глубокую печаль по поводу исчезновения татарских деревень, а с ними и духовного наследия своего народа, то занимается самобичеванием, то критикует современное общество, утратившее нравственно-этические ценности и т.д. Несмотря на эмоциональные переходы, неизменным элементом лирического сюжета остается экзистенциальная тоска по утраченным духовным ценностям: «Элек болыннарға сыймаган жан, / Кысан ихатадан артмый хәзер; / Күршесендә энә артык икән – / Көнләшүдән көп, шартлы хәзер. / Ут күршеләр... / Ата-аналары / Бер-беренә элек утка кәргән. <...> / Кунак-төшем, килем-китем бетте, / Бәйрәмнарне күпләр онытып бара. / Исән микән әле, тибә микән?! – / Йөрәгемне, авыл, тотып кара...» (Эюп, 2001, с. 73). / «Душа, для которой раньше просторы лугов были малы, / В тесных домах ныне живет; / Если сосед хоть лишней иголкой владеет, / От зависти лопнет она. / Близкие соседи... / Чьи родители / Раньше за огнем друг к другу ходили. <...> / Гостей перестали звать, / Праздники забываются. / Живо ли, бьется еще?! – / Сердце свое, деревня, послушай...».

Символическое начало, выполняющее активную жанрообразующую функцию в лирической поэме, позволяет автору «выразить всю глубину своего миропостижения» (Спесивцева, 2009, с. 161). В целом усиление ассоциативно-символической образности является художественной доминантой в татарской поэзии этих лет, как пишет Д. Загидуллина (2020), «в творчестве каждого поэта, который в 1960-1980-е годы был увлечен поисками новых форм в татарской поэзии, можно отчетливо увидеть следы символизма» (с. 102). В поэме Х. Аюпова символы органично вписываются в структуру поэтического текста, не становятся показателем приобщения к авангардным традициям, как, например, в творчестве М. Аглямова, Зульфата, Р. Файзуллина и др. В частности, при помощи символизации раскрыта проблема сохранения родного языка в условиях урбанизации: «Авыл туфрагында ничә гасыр / Үскән гөлебезне алып киттек. / Чит жирләрдә ни көткәнән белми, / Туган телебезне алып киттек. <...> / Алып киттек... / Шундый гөлне хәзер / Бу тирәдә күпләр кирәксенми» (Эюп, 2001, с. 71). / «На деревенской земле много веков / Растущий цветок увезли с собой. / Не зная, что ожидает нас в чужих землях, / Увезли родной язык. / <...> / Увезли... / И этот цветок / Здесь многим не нужен». Следует отметить, что проблема сохранения родного языка является одной из ключевых проблем в татарской поэзии этих лет («Туган тел хақында» («О родном языке», 1978) Зульфата, «Татар теле» («Татарский язык», 1975) Н. Наджми и др.).

Лирический герой поэмы Х. Аюпова предстает в момент концентрированного эмоционального напряжения, острого конфликта с самим собой, достигшего наивысшей точки своего развития в завершающих поэму строках: «Үз-үземә урын табалмыймын – / Кая куйыйм сине, авыл жаны?!» (Эюп, 2001, с. 77). / «Не могу найти себе место – / Что мне с тобой делать, деревенская душа?!».

Очеловеченный образ души деревни – плачущей, стонущей – позволяет «взглянуть» вглубь поднятых проблем, проникнуться ее пульсирующей болью, душевно-эмоциональные переживания души деревни и лирического героя сливаются воедино. В символическом осмыслении «душа деревни» трактуется как родовая память, хранилище элементов национального сознания – родного языка, традиций и духовных ценностей. Бросив родную деревню, лирический герой подверг опасности будущее деревни, а значит, и будущее своего народа. Именно в этом – его личная трагедия, непрекращающаяся боль, отразившиеся в его эмоциональном монологе.

Лирический герой Х. Аюпова и личность самого поэта эмоционально близки, поэма читается как история души автора, представляемого человеком, равнодушным к судьбе нации. Это доказывается и на примере поэмы «Көй эзләү». Поэма состоит из семи частей, объединенных не повествовательной нитью, а идеей поиска утраченной мелодии: «Исән микән әле, бармы сез? – / Онытылган көйләрне эзлим... / Гармун кирәк, / Булмый гармунсыз!..» (Эюп, 2001, с. 57). / «Живы ли вы еще, существуете ли? – / Ищу забытые мелодии... / Гармонь нужна, / Нельзя без гармонии!..». В целом, как отмечает О. И. Федотов (2003), «при отсутствии сквозного сюжетно организованного действия лирическая поэма... мало чем отличается от тематически хорошо укомплектованного цикла лирических стихотворения» (с. 171). Каждая часть поэмы «Көй эзләү» структурирована в виде ответа на вопрос «Какую утраченную мелодию ищет лирический герой?». Скажем, в первой части произведения автор ведет речь о «мелодии отцов и дедов» («ата-баба көе»). Здесь утраченная мелодия воспринимается в значении

преемственности, духовного наследия предыдущих поколений: «Ата-баба көе сагындыра, / Алар тоткан гореф-гадәтләр» (Әюп, 2001, с. 57). / «Тоскую по мелодии предков, / По их традициям и нравам». Далее звуки народного инструмента уносят лирического героя в детство, напоминают молитву матери. По мнению лирического героя, именно в вере человечество способно найти силу, противостоящую злу: «Бер явызлык калмас иде жирдә, / Яулар тынар иде. / Иңәр иде рәхим-шәфкать бары / Кеше күңеленә... / Жир йөзәнә шундый газиз бер көй / Житми бүген менә» (Әюп, 2001, с. 58). / «Ни капли зла бы на земле не осталось, / Затихли бы бои. / Наполнилась бы добром и милосердием / Человеческая душа... / На земле такой мелодии / Сегодня не хватает». В следующих частях поэмы обнаруживаются другие составляющие семантического поля данного образа: «родной язык» («“И туган тел, и матур тел!” – дидек. / Матур иде, көйле иде дә... / Шул көенчә саклый алдыкмы соң? / Газиз көй бит – / ниңә өзлә?») (Әюп, 2001, с. 63). / «Говорили мы: “И родной язык, и красивый язык!” / Красивый он был, мелодичный... / Но смогли ли мы его сохранить в таком виде? / Дорога для сердца была эта мелодия – / Но почему обрывается?»); «единство» («Безгә кемнәр теләк теләде икән, / Аерылышып гомер итсен дип?») (Әюп, 2001, с. 60). / «Кто пожелал нам / Разрозненной жизни?»); «духовная стойкость» («Һәркемнең дә көе буладыр; / Әллә кайчан бөгәр иде язмыш – / Баш имибез шуңа гынадыр») (Әюп, 2001, с. 62). / «В каждом живет своя мелодия; / Давно бы нас судьба сломала – / Только благодаря мелодии мы держимся»). Таким образом, поэт перечисляет ключевые ценности, которые в совокупности образуют национальное сознание, именно на этих ценностях базируется духовный мир татарского народа. Так, забытая мелодия, замолчавшая гармонь обрастают символическим значением: в первую очередь это – потерянные духовные ценности, национальная память, национальная идентичность (в тексте понятие идентичности маркируется в выражении «үз көем» («своя мелодия»), которому противопоставляется «ят көйләр» («чужие мелодии»). Потеря этих ценностей привела к потере такого понятия, как «моң», вошедшего в себя «национальный колорит татарской духовной культуры, специфическую черту мироощущения, эмоциональное состояние сдерживаемой печали» (Татарский энциклопедический словарь, 1999, с. 365). «Моң», воспринимаемый как «сложный комплекс экзистенциальных, эмоциональных и эстетических смысловых обертонов» (Галиева, Нагуманова, 2013, с. 246), репрезентирующий «черты татарского народного характера, его этнонациональную идентичность» (Хабибуллина, 2021, с. 127), транслирует многовековую печаль татарского народа, его тоску и грусть, его историю и судьбу. Хранить в душе «моң» означает умение проникнуться чувствами своего народа, раствориться в его судьбе, чтить память предков и т.д., и лишение людей этого состояния может привести к катастрофическим последствиям: потерявшие свои национальные корни поколения следуют по деструктивному пути развития.

В завершающей части произведения поиск утерянной мелодии обретает более широкие масштабы: лирический герой сетует на то, что даже одна поврежденная струна может испортить мелодию всей страны: «Табулары көйне, һай, озактыр, / Югалтулар гына тиз аңа: / Бер бозык кыл көйне генә түгел, / Язмышларны, илне бозала» (Әюп, 2001, с. 64). / «Найти мелодию, ох, как долго, / Ее лишь потерять можно быстро: / Одна испорченная струна не только мелодию, / Но и судьбы людей и стран способна испортить». Проецируя мысли на современную для себя действительность, поэт раскрывает сущность советского бытия, оказавшегося на грани разрушения: его тревожат разрозненность и безответственность, царящие в обществе, беспокоит обесценивание нравственных ценностей. Манифестация критической позиции автора, как утверждает Н. Юсупова (Йосыпова, 2021, с. 101), является одной из значимых особенностей произведений на деревенскую тему, что доказывает открытость лирической поэмы к синтезу – лирической исповеди, публицистического монолога, критического обличения в данном случае.

Заключение

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам.

Проанализированные нами поэмы Х. Аюпова отражают тенденцию лиризации жанра поэмы в татарской литературе 1960-1980-х гг. Родовая основа жанра – эпическое – в данных поэмах рассматривается не как сюжетно-композиционная, а как содержательная категория: эмоционально-душевные переживания лирического героя связаны с историей и судьбой татарского народа. Ключевыми мотивами поэм становятся мотивы памяти – родного дома, деревни, родного края; ностальгии – по идиллическому прошлому, по человечности, по душевности. Именно они придают поэмам элегичность, экзистенциальность. Поэт словно обнажает душу перед своим читателем, структурообразующим центром поэм является исповедальный монолог, демонстрирующий внутренний мир поэта и преломление в этом мире национальных проблем.

Перспективы дальнейшего исследования видятся нам в более многостороннем исследовании рассмотренных произведений поэта и других его поэм, не затронутых в рамках этой статьи, таких как «Су хәтерә» («Память воды», 1990), «Йөрәк атым» («Конь моего сердца», 1988), «Көзге» («Зеркало», 1987).

Источники | References

1. Васильев И. Е. Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
2. Галиева А. М., Нагуманова Э. Ф. Особенности передачи национально-специфических концептов в переводных текстах (на примере концепта моң) // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Т. 155. № 2.

3. Галиуллин Т. Н. Яктылык: әдәби тәнкыйть мәкаләләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011.
4. Әюп Х. Г. Көй эзләү: поэмалар, баллада. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001.
5. Загидуллина Д. Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013.
6. Загидуллина Д. Ф. Татарская литература XX - нач. XXI в.: «мягкость» модернизма-авангарда-постмодернизма (к постановке проблемы). Казань: ИЯЛИ, 2020.
7. Закирзянов А. М. Современное татарское литературоведение: традиции, закономерности, поиски. Казань: ИЯЛИ, 2019.
8. Йосыпова Н. М. XX гасырның икенче яртысы татар шигърияте: традицияләр һәм яңачалык. Казан: «Школа» редакция нәшрият үзәге, 2021.
9. Кебири И. Роль сюжета в современной поэме // Дружба народов. 1961. № 7.
10. Надыршина Л. Р. Жанр поэмы в творчестве Сибгата Хакима // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 10.
11. Спесивцева Л. В. Жанр лирической поэмы: генезис, развитие, становление // Гуманитарные исследования. 2009. № 1 (29).
12. Татарский энциклопедический словарь / гл. ред. М. Х. Хасанов. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1999.
13. Федотов О. И. Основы теории литературы: уч. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2-х ч. М.: ВЛАДОС, 2003. Ч. 2. Стихосложение и литературный процесс.
14. Хабибуллина А. З. Элегия, элегическое, элегизм в русской и татарской поэзии: критерии сопоставительного исследования. Казань: Школа, 2021.
15. Харрасова Р. Ф. Харрас Әюп // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда. Казан: Фолиант, 2019. 7 т. 1985-2000 еллар.
16. Юзиев Н. Г. Традицияләр яңарганда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1966.

Информация об авторах | Author information

RU**Надыршина Лейсан Радифовна¹**, к. филол. н.¹ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань**EN****Nadyrshina Leysan Radifovna¹**, PhD¹ G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan¹ leysan_tatar@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.03.2022; опубликовано (published): 29.04.2022.

Ключевые слова (keywords): Харрас Аюпов; татарская поэзия; лирическая поэма; жанр; лирический герой; Kharras Ayupov; Tatar poetry; lyrical poem; genre; persona.